

МЛАДШАЯ СЕСТРА ВЫСОКОГО ИСКУССТВА

Сегодня большим прощальным концертом завершает свои гастроли в Калининском государственном театре оперы и балета. На страницах нашей газеты уже рассказывалось о его оперных и балетных спектаклях. На этот раз мы печатаем статью, в которой говорится о показанных воронежцами опереттах.

ОПЕРНЫЙ ТЕАТР включает в свой репертуар оперетты. Первая реакция всякого меломана: удивление. Не принижает ли подобное «совместительство» высокое оперное искусство? И не отяжелит ли оно, в свою очередь, веселый искрометный жанр музыкальной комедии? Опасения вполне серьезные. Да и сам вопрос не новый. Таких синтетических театров в стране существует несколько. Но тем не менее он возникает вновь и вновь. Вокальные и музыкальные партитуры лучших оперетт по своей выразительности, сложности и эмоциональному воздействию на зрителя очень близко подходят к высотам оперной музыки. А, скажем, опера «Севильский цирюльник» стоит где-то у самых пределов опереточных владений.

И все же... «Давайте разберемся!», как любит повторять премудрый Зупан в «Цыганском бароне».

Показом четырех названий музыкальных комедий Воронежский государственный театр оперы и балета дал достаточно материала для предметных размышлений. Итак, четыре оперетты. Выбор их отнюдь не случаен. «Цыганский барон» и «Летучая мышь» созданы Йоганном Штраусом, композитором, мечтавшим написать комическую оперу и попытавшимся это сделать в работе над «Цыганским бароном». Примерно то же самое можно сказать и о «Донье Жуаните» австрийского композитора Франца Зуппе, тоже писавшего свои оперетты с явно ощутимым оперным акцентом. Несколько особняком стоит «Цветок Миссисипи» Д. Керна, оперетта с социально острой начинкой, на тему расовой дискриминации негров в Америке.

Все четыре спектакля роднит

большая музыкальная и постановочная культура, зрелое профессиональное мастерство исполнителей. Это от оперного театра. Его облагораживающая влияние несомненно. При всем том сценическое действие разворачивается красочно, с веселой улыбкой, с неподдельным блеском.

Некоторые претензии в этом смысле можно, пожалуй, предъявить только к постановке «Цыганского барона». Режиссер народный артист РСФСР М. Гершт (а с ним и театр) пошел по наиболее сложному и едва ли лучшему пути. Он принял за музыкальную основу близкую к авторскому оригиналу партитуру, перенасыщенную вокальными формами. Это утяжелило спектакль, лишило его столь необходимой для оперетты грациозной легкости. Зато приблизило к жанру оперы. А зачем? И что совсем уж огорчительно, спектакль на музыку Штрауса почти начисто лишен балета.

В этом отношении невольно напрашивается сравнение с «Цветком Миссисипи». Такие богатые дивертисментные номера может позволить себе только театр оперы и балета (преимущество совмещения!). Балетмейстер Д. Арипова создала, а танцовщики М. Январева и Вик. Драгавцев великолепно воплотили в движении удивительный по экспрессии, яркости и экзотичности танец индейского вождя дуунга-ду. Хорошо поставлена балетмейстером Л. Таубэ хореографическая часть и в «Летучей мыши».

С большим художественным вкусом, чувством меры в стилизации эпохи выполнены художниками В. Цибиним, заслуженным деятелем искусств РСФСР А. Шелковниковым и Л. Ларьковым декорационное оформление и костюмы. Чего стоят, скажем, кулисы из цыганских шалей и обрамление сцены в «Цыганском бароне». Или конструктивно остроумное решение с использованием сценической площадки в «Донье Жуаните»! И, конечно же, блистательное музыкальное сопровождение оперного оркестра (дирижеры Г. Сурмава и М. Носырев).

Все это так. Но главной фигурой в любом виде театрального искусства был и остается актер. Как же чувствует он себя в таком «синтетическом»

амплуа? По-разному. В зависимости от индивидуального дарования, сценического характера, меры гибкости своего артистического «я».

Законы жанра неумолимы. Органично необходимое и естественное в опере оборачивается в оперетте инородным телом. Не каждый, даже очень хороший, актер способен с ходу, без серьезных творческих издержек, преодолевать жанровый барьер. И не в одном, не в двух спектаклях, а множество раз за сезон. Даже в чисто музыкально-психологическом смысле нелегко переходить от симфонического звучания Чайковского, Верди, Глинки к синкопным ритмам того же Керна. Одним актерам «совместительство» удается, другим — нет. Примеров много. Обратимся к наиболее характерным.

Заслуженная артистка РСФСР Ф. Себар по всей своей манере исполнения, самому способу существования на сцене, типичная оперная певица, обладающая звучным, чистым драматическим сопрано. Ее успех в «Кармен» (Микаэла) или в «Демоне» (Тамара) не случаен. Но, видимо, в оперетте важны не только сила, красота и постановка голоса. Есть в этом жанре нечто иное, едва уловимое, опереточное. Как говорят французы — шарм. То самое, чего лишена Себар. И как это почувствовалось в исполнении роли Саффи («Цыганский барон») или Розалинды в «Летучей мыши»! Аналогичная несовместимость жанров у артиста К. Сидорова, наделенного явно оперными сценическими данными.

Но вот артист П. Фрадков одинаково на месте и в роли Фалька из «Летучей мыши», и в партии Кочубея («Мазепа»). Еще более разительна синтетичность обладательницы прекрасного колоратурного сопрано В. Бедриченко. Джильда в «Риголетто», блистательная Магнолия в «Цветке Миссисипи» и очаровательная Адель в «Летучей мыши». Этой актрисе смещение жанров, пожалуй, даже на пользу. Оперный актер Г. Колмаков замечательно исполняет очень скользкую, прямо-таки опасную роль Жуана в «Донье Жуаните», в которой так легко скатиться к балагану. Актера спасает большое личное обаяние, чувство такта, приятный гибкий голос.

Но есть и другой пример, который не уместится в понятия

успеха или неудачи. Речь идет о талантливой актрисе театра В. Кочугуровой. Не часто доводится слышать со сцены голос такой красоты, силы и богатства интонаций, как меццо-сопрано Кочугуровой. К тому же артистка обладает большой драматической выразительностью и прекрасными внешними данными. Она покорила зрительный зал своей Андой, полной огромной внутренней силы и вокального блеска. И она же создала очаровательный образ Кармелы в «Донье Жуаните». Казалось бы, все в порядке. Но только казалось... Этому редкостному голосу и этой эмоциональной насыщенности тесно на подмостках оперетты. Такому голосу негде проявить себя в ограниченных рамках опереточной роли, и потому он там до обидного неуместен.

По счастью, театр не увлекся совместительством до бесчувствия. В труппе имеются актеры чисто опереточного плана. Без них жанр оперетты вообще существовать не может. К ним принадлежит такая блистательная каскадная актриса, как заслуженная артистка РСФСР Л. Федорова, с появлением которой на сцене все расцветает улыбками и весельем.

Есть в театре и отличные актеры на роли образов-масок, издавна утвердившихся в классической венской оперетте. Очень интересен, в частности, глубокий комедийный актер В. Владимиров. Традиционные образы — маски в «Летучей мыши» (дежурный по тюрьме) и в «Цыганском бароне» (Зупан) обретают убедительную достоверность. Это не театральные штампы. Живые люди, законченные характеры. Особенно хорошо Владимиров в «Цветке Миссисипи». Роль Бокара, комика на сцене и доброго пессимиста в жизни, актер все время ведет на подтексте. Он вызывает не только смех, но и искреннее теплое сочувствие.

Так что же все-таки оперетта в оперном театре — благо или едва терпимое зло? По-видимому, однозначного решения здесь нет и, наверное, быть не может. Во всяком случае, в таком театре, как Воронежский, выросшем в оперный из театра музыкальной комедии, скорее благо. Потому что наши гости с широкой щедростью радовали нас в каждом спектакле, независимо от его жанра.

Я. ЗВЯГИН.